

Возможности культурологии как парадигмы гуманитарного знания

Вл. А. Луков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье рассматриваются возможности культурологии как парадигмы гуманитарного знания, анализируется книга Г. Гейне «Девушки и женщины Шекспира» как ранний пример перехода от филологической к культурологической трактовке литературы.

Ключевые слова: культурология, парадигма гуманитарного знания, Г. Гейне, Шекспир.

Possibilities of Culturology as a Paradigm of Humanitarian Knowledge

Vl. A. LUKOV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article covers the possibilities of culturology (cultural studies) as a paradigm of humanitarian knowledge. The author analyzes H. Heine's «Shakespeare's Girls and Women» as an early example of transition from philological to culturological handling of literature.

Keywords: culturology, paradigm of humanitarian knowledge, H. Heine, Shakespeare.

На рубеже XX–XXI вв. усилились тенденции интеграции гуманитарного знания: филологи используют методы социологии и истории, искусствоведы прибегают к работам психологов, психологи обращаются к филологической сфере и т. д. (см.: Высшее образование и гуманитарное знание в XXI веке, 2009). Необычайно широко стали применяться богословские трактовки прежде светского материала (см., напр.: Есаулов, 2004). Эти и другие свидетельства движения гуманитарного знания к синтезу позволяют поставить вопрос: что же определяет парадигму (господствующую линию) современного гуманитарного знания? Думается, что такую роль играет культурология. Собственно, она и призвана играть такую роль, если рассматривать культурологию не только как специализированную науку о культуре, но и как методологию среднего уровня для всей сферы гуманитарных наук и гуманитарного образования. Развитие тезаурусного подхода усиливает эту тенденцию, позво-

ляя рассмотреть культурный тезаурус как субъектно организованное гуманитарное знание — «то есть таким образом организованное, что оно соответствует месту и роли субъекта в окружающем мире и позволяет ему этот мир постигать, ориентироваться в нем и менять его, а заодно развивать и собственные потенциалы» (Луков Вал., Луков Вал., 2008: 646).

Теоретически роль культурологии в гуманитарном знании без труда обосновывается. Но при переходе к практике гуманитарного исследования далеко не все понятно. Остановимся на каком-нибудь примере, чтобы показать, как культурологическая парадигма «работает».

Таким примером может стать книга Генриха Гейне «Девушки и женщины Шекспира» (1838) — это один из самых ранних случаев замены филологической трактовки творчества Шекспира (да и литературы в целом) на культурологическую трактовку (Гейне, 1958. Далее при цитировании дан-

* Луков Владимир Андреевич — доктор филологических наук, профессор, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук). Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: lookoff@mail.ru

ного произведения в скобках указывается номер страницы по этому изданию). К 1838 г. в Европе уже несколько десятилетий существовал культ Шекспира (Луков, Захаров, 2008), формировалось научное шекспироведение, даже был сформулирован «шекспировский вопрос», отступивший на время в тень под влиянием романтиков, для которых Шекспир стал ярчайшим примером нарушения правил классицизма. Уже в начале своей книги Гейне соотносит Шекспира с культурой Англии, его родины: «Мне становится тошно, когда я вспоминаю, что он в конце концов все-таки англичанин и принадлежит к самому противному народу, какой только господь создал в гневе своем. <...> Народ, серое зевающее чудовище, дыхание которого насквозь пропитано удушающим газом и смертельной скукой и который наверно повесится в конце концов на колоссальном корабельном канате...» (309). И тут же делает культурологически обоснованное предположение: «Но Англия тех дней... наверно, сильно отличалась от нынешней, и называли-то ее merry England, и она цвела в сиянии красок, в веселии маскарадов, в глубокомысленных дурачествах, в кипучей жажде деятельности, в преизбытке страстей...» (310). Последующий краткий историко-культурологический очерк движения родины великого драматурга к современности через церковные и политические потрясения позволяет Гейне показать особое место Шекспира в Англии: «Да, он духовное солнце, которое заливает эту страну своим прекраснейшим светом, своими благодатными лучами» (313).

Гейне пишет: «...несправедливо к историческим драмам Шекспира предъявлять только такие требования, какие может удовлетворить драматург, считающий высшей своей целью лишь поэзию и ее художественное выражение. В задачу Шекспира входила не только поэзия, но и история». Так через характеристику хроник великого драматурга в книгу Генриха Гейне входит протест против чисто филологического рассмотрения Шекспира. Ниже он подвергнет то сар-

кастической, то иронической критике филологов-шекспироведов: «За исключением Вильяма Хэзлита, Англия не дала ни одного значительного комментатора Шекспира; всюду вранье в мелочах, самовлюбленная поверхностность, самомнение, прикрывающееся восторженностью, ученое чванство, готовое лопнуть от блаженства, когда ему удастся указать бедному поэту на какую-нибудь историческую, географическую или хронологическую погрешность и выразить при этом сожаление, что он, увы, не изучал древних по подлинникам, да и вообще обладал скудными школьными познаниями...» (319). «Немцы поняли Шекспира лучше англичан», — отмечает дальше Гейне, называя с уважением имена Лессинга, Виланда, Гердера, Гете, но низко оценивая романтиков, в частности А. В. Шлегеля и его переводы: «У него, как и у всей романтической школы, апофеоз Шекспира должен был косвенно служить уничтожению Шиллера» (321). Еще больше достается Л. Тику: «Ах, этот Тик! <...> Насколько он был нам мил прежде, настолько он противен теперь...» (323). Отвергаются Гейне и комментарии Франца Горна и т. д.

Но что же предлагается в плане трактовки шекспировского творчества взамен мелочному комментированию? Обратимся к одной из центральных проблем для романтиков — принципу трех единств (времени, места и действия) и к тому, как эта тема развита в книге Гейне, уже в большой мере отошедшему от романтизма, в котором он сыграл такую большую роль в молодые годы.

Надо отметить, что в теории классицизма это был не принцип, а скорее прием, вытекавший из принципа правдоподобия. Ж. Шаплен в 1630 г. ссылался на античных авторов, которые таким образом заботились «о достижении правдоподобия, столь настоятельно рекомендуемого и столь необходимого для всякой поэмы; все это с единственным намерением — лишить зрителя любой возможности размышлять над степенью правдоподобия увиденного и усомниться в его реальности» (Шаплен, 1980а: 266). Но

со временем прием занял в культурном театре место принципа, его нарушение вызывало ожесточенную критику (как в дискуссии о трагедии П. Корнеля «Сид» в 1637 г., в которой тот же Ж. Шаплен рассматривает нарушения единств как ошибки Корнеля, см.: Шаплен, 1980b). Требование соблюдения трех единств стало филологическим, своего рода законом при оценке художественного текста. Таким же оно оставалось в романтических манифестах (например, в «Предисловии к “Кромвелю”» В. Гюго, см.: Гюго, 2003), где Шекспир противопоставлялся классицистам и в том, что не соблюдал эти правила (которые, он, собственно, и не знал, хотя они были использованы и осмыслены еще до его рождения итальянцами Д. Триссино и Ю. Ц. Скалигером, но не утвердились на современной ему английской сцене). Молодой И. В. Гете выразил свое предромантическое видение той же проблемы по прочтении Шекспира так: «Не колеблясь ни минуты, я отказался от театра, подчиненного правилам. Единство места казалось мне устрашающим, как подземелье, единство действия и времени тяжкими цепями, сковывающими воображение. <...> И теперь, когда я увидел, сколько несправедливостей причинили мне создатели этих правил, сидя в своей дыре, в которой — увь! — пресмыкается еще немало свободных душ, — мое сердце раскололось бы надвое, не объяви я им войны и не пытайся ежедневно разрушать их козни» (Гете, 1975: 336).

И вот на фоне ярких выступлений предромантиков и романтиков, как бы закрывших тему, появляется неожиданная трактовка того же вопроса у Гейне в ответ писателям и филологам, осуждающим произведения Шекспира за бесформенность и сетующим на отсутствие не только единств времени и места, но и действия: «Странная ошибка проницательных критиков! Наш великий поэт сохраняет не только последнее из названных единств, но не обходится без единства места и времени. Только понятия эти у него несколько шире, чем у нас» (316).

И вот — переход от филологической к культурологической парадигме шекспироведения, который можно непосредственно наблюдать: «Поле действия его драм — весь земной шар, и это и есть его единство места; период, во время которого разыгрываются его пьесы, — вечность, и таково его единство времени; и обоим соответствует герой его драм, который является их блистательным центром и представляет единство действия... Этот герой — человечество, герой, который непрестанно умирает и непрестанно возрождается, непрестанно любит, непрестанно ненавидит, но все же любит больше, чем ненавидит, — сегодня пресмыкается, как червь, завтра орлом взлетает к солнцу, сегодня удостоивается дурацкого колпака, завтра — лаврового венка, еще чаще — и того и другого одновременно, — великий карлик, маленький великан, гомеопатически изготовленное божество, в котором, хотя и в весьма разжиженном виде, все же присутствует божественное начало, — ах, не будем из скромности и стыдливости слишком много распространяться о героизме этого героя» (316).

Далее следует важное для культурологического понимания творчества Шекспира (и поэта вообще) замечание: «Принято говорить, будто он отражает природу в зеркале. Это выражение достойно порицания, ибо оно ложно передает отношение поэта к природе, а ее образ, который, оставаясь вполне точным, как отражение в зеркале, все же кровно связан с душой поэта; поэт как бы приносит в мир свой собственный мир, и, когда, пробудившись от дремотного детства, он приходит к самопознанию, — ему сразу же становится понятной каждая частица внешнего мира явлений во всей взаимосвязи с целым; но так как он носит в своем сознании образ и подобие целого, он знает основные причины всех явлений, которые кажутся загадочными заурядному сознанию и методами обычного изучения постигаются лишь с трудом или не постигаются вовсе...» (317). В данном месте можно усмотреть одну из ранних теорий картины мира — центрального понятия в современной культурологии.

Для филологического образования возможность выйти за пределы чистой филологии при изучении литературы, продемонстрированная в книге Гейне, очень значима. Школьная традиция рассмотрения содержания произведения через раскрытие темы, идеи, проблематики, конфликта вытекает из филологической традиции, у которой прочный, многовековой фундамент. Культурология как парадигма современного гуманитарного знания и образования подсказывает иной, на сегодняшний день более плодотворный, путь изучения содержания художественного произведения — через представленную в нем картину мира, культурологическое понимание времени, пространства, человека, законов и тайн Вселенной, через культурный контекст, через культурный тезаурус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Высшее образование и гуманитарное знание в XXI веке (2009) / под общ. ред. Вал. А. Лукова и Вал. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.
- Гейне, Г. (1958) Девушки и женщины Шекспира // Собр. соч. : в 10 т. М. : Гослитиздат. Т. 7.
- Гете, И. В. (1975) Ко дню Шекспира // Гете И. В. Об искусстве. М. : Искусство. С. 335–339.
- Гюго, В. (2003) Предисловие к «Кромвелю» // Собр. соч. : в 14 т. М. : ТЕРРА — Книжный клуб ; Литература. Т. 9. С. 5–66.
- Есаулов, И. А. (2004) Пасхальность русской словесности. М. : Кругъ.
- Луков, Вал. А., Луков, Вал. А. (2008) Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М. : НИБ.
- Луков, Вал. А., Захаров, Н. В. (2008) Культ Шекспира // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 132–141.
- Шаплен, Ж. (1980а) Обоснование правила двадцати четырех часов и опровержение возражений // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М. : Изд-во Моск. ун-та. С. 265–272.
- Шаплен, Ж. (1980б) Мнение Французской Академии по поводу трагикомедии «Сид» // Там же. С. 273–298.

Новые книги

Костина, А. В. Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики : монография [Текст] / А. В. Костина. — М. : КД "ЛИБРОКОМ", 2010. — 144 с.

Костина, А. В., Гудима, Т. М. Культурная политика современной России: Соотношение этнического и национального : монография [Текст] / А. В. Костина, Т. М. Гудима. — М. : УРСС, 2010. — 240 с.